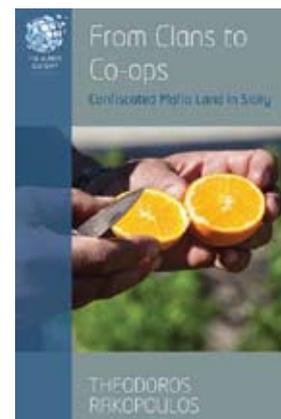

НОВЫЕ КНИГИ

Н. В. Конрой

От этнографии организаций к анализу жизненных обстоятельств людей?

Рецензия на книгу: Rakopoulos Th. 2017. *From Clans to Co-Ops: Confiscated Mafia Land in Sicily*. New York; Oxford: Berghahn Books. 229 p.

КОНРОЙ Наталья Викторовна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Лаборатории экономико-социологических исследований (ЛЭСИ) Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: 101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Email: nconroy@hse.ru

В книге Сеодороса Ракопулоса используется антропологическое понятие «жизнеобеспечение», чтобы по-новому соединить три большие темы — мафии, антимafiaозного движения и кооперативизма. Несколько десятилетий мафия вызывает живой интерес у широкой публики, журналистов, социальных и гуманитарных исследователей — антропологов, социологов и политологов, историков и культурологов. На появление в 1980–1990-х гг. законодательной базы, регулирующей изъятие государством и дальнейшее использование собственности mafiaозных кланов, заметно повлияли активистские движения. Именно поэтому анализ опыта создания на экспроприированных землях аграрных кооперативов сквозь призму низовых инициатив гражданского общества стал доминирующим. Однако Ракопулос, наблюдая в 2007 и 2009 гг. за работой четырёх антимafiaозных кооперативов в Западной Сицилии, пришёл к выводу, что, в отличие от администраторов, рабочих больше интересуют вопросы зарплаты и цены, чем идеологии и гражданского участия. Как те, кто работает на земле и находится ниже «низовых инициатив» в структуре кооператива, обходят идеологию, если она противоречит традиционным «моральным кодам»? Как они примиряют работу в антимafiaозном кооперативе с семьёй и со связями в местном сообществе, где невозможно занять нейтральную или незаинтересованную позицию по отношению к мафии? Как на городских менеджеров, борющихся с «плохим родством» местных рабочих, влияют их собственные семейные и дружеские круги? Последовательно рассматривая различные обстоятельства участников (семью, репутацию, соседство и проч.), воздействующие на их жизнеобеспечивающие практики, исследователь приходит к выводу, что ни среди рабочих, ни среди менеджеров нет тех, кто был бы свободен от локальных морально-этических норм и мог бы смотреть на работу кооператива глазами далекого государства. А значит, и сами политизированные кооперативы, вопреки собственной идеологии, не могут существовать как анклавные хороших хозяйственных практик.

Ключевые слова: антимafia; кооперативизм; законность; анклавность; жизнеобеспечение; укоренённость; этнография; Сицилия.

От мафии к антимафиозным кооперативам

Книга Сеодóроса Ракóпулоса, норвежского антрополога греческого происхождения, — это этнография сельскохозяйственных кооперативов. И даже если вы не ждёте ничего захватывающего от крестьянской повседневности, на эту монографию почти наверняка обратите внимание, увидев в названии, что местом полевой работы автора была Сицилия. Он проводил своё исследование в 2007 и 2009 гг.: как раз тогда, когда эксперимент по созданию в западных районах острова антимафиозных кооперативов на конфискуемых государством землях преступных кланов подстегнул и до этого заметный интерес журналистов, активистов гражданского общества, социальных исследователей к кооперативизму, мафии и самому региону.

Социальные кооперативы, относительно новое в Италии явление, стали для сторонников государственной политики законности (*legality*) оружием борьбы с мафией там, где её рутинное и повсеместное присутствие практически исключало возможность незаинтересованности или невовлечённости каждого. С принятием в 1982 г. закона Рогнони — Ла Торре и введением понятия «мафиозная организация», отличного от понятия «организованная преступность», государство получило право арестовывать, конфисковывать и передавать в ведение Министерства внутренних дел имущество, принадлежащее индивидам, состоящим в родственных или иных связях с мафией. Следующий шаг государство сделало в 1996 г., когда под давлением активистов негосударственной организации «Либерта» был принят закон, согласно которому МВД передавало конфискованное имущество муниципалитетам. Земли мафиозных кланов муниципалитеты сдавали в бесплатную долгосрочную аренду антимафиозным сельхозкооперативам, которые, по мнению «Либерты», наиболее полно отвечали требованию «надлежащего» социального использования, поскольку по Конституции кооперативы являлись некоммерческими организациями, поддерживаемыми государством. Активисты видели в аграрных кооперативах репрезентацию местного сообщества, заинтересованного в повышении законности. К 2012 г. на «освобождённых» землях Италии работали восемь таких предприятий; и четыре из них были созданы в западносицилийском районе, знаменитом своей мафиозной репутацией, которому Ракопулос дал вымышленное название «Спикко-Виллата». В 2000 г. для наблюдения и регулирования деятельности антимафиозных кооперативов в Спикко-Виллате был создан Консорциум прогресса и закона. В него входили как постоянные, так и выборные члены (чиновники МВД, юристы из Палермо, главы муниципалитетов и проч.). На откуп негосударственной «Либерте», не имевшей исполнительных функций, были отданы все вопросы продвижения и репрезентации антимафиозных кооперативов как коммунальных горизонтальных организаций труда. И Консорциум, и «Либерта» активно использовали риторику редистрибуции и справедливого государства, которое активно вмешивается в хозяйственную жизнь, чтобы вернуть идеализированному сообществу то, что было у него «украдено», хотя исторически в регионе был известен только один пример короткого коллективного владения землёй, относящийся к 1946 г. В какой мере официальное и активистское видение ситуации отвечало представлениям местных акторов — жителей региона, членов кооперативов, их семей? Как идеология антимафиозных сельхозпредприятий отличалась от практики различных участников? Сеодорос Ракопулос пытается ответить на эти и многие другие вопросы.

В первых главах книги автор знакомит читателя с историей крестьянского, кооперативного, антимафиозного движений и основными этапами послевоенной аграрной реформы. Он убедительно показывает непрерывность мафии как типа организации в регионе, этапы её трансформации и роль политических партий и движений страны (в особенности, компартии) в этом процессе, а также объясняет, когда и почему антимафия из средства превратилась в конечную цель сицилийского кооперативизма. Исследователь проводит тщательную инвентаризацию существующих подходов к изучению мафии и кооперативизма и объясняет читателю специфику антропологического видения этих явлений. При всей важности и необходимости такого экскурса нельзя не отметить, что в силу масштабности явлений и

богатства посвящённой им литературы на вводный обзор пришлось почти половина книги, и читателю, надеявшемуся на быстрое погружение в этнографию, придётся запастись терпением. Ситуацию несколько сглаживают небольшие виньетки и автоэтнографические размышления, которые Ракопулос встраивает в повествование.

Так, например, в главе 2 автор показывает, как превращение мафии в метафору организованной преступности повлияло на её изучение на родине. Он особо отмечает работы итальянских авторов (историков, социологов и др.), в которых прослеживается установка, называемая Ракопулосом «сицило-пессимизм». Приверженцы этой установки утверждают, что мафиозность «защита» в структуру южноитальянской семьи, и переводят обсуждение феномена в плоскость «традиции». Однако неитальянские авторы, в том числе антропологи, видят в мафии активных участников процесса политической, социальной и экономической модернизации. Для них мафия является гибкой и реляционной, сочетает жёсткость структуры и флюидность сети, и Сеодорос Ракопулос подчёркивает, что в его книге мафия — это современный и модернистский феномен, а термин «мафия» описывает и структуру, и сетевой хаб. Он активно пользуется шнайдеровскими понятиями «брокерский капитализм», «трансформирующий опыт», «отрасли защиты» (см.: [Schneider, Schneider 1976; 2008; 2011; Schneider 2002] и др.).

Мне показалось любопытным локальное заключение, к которому приходит автор в ходе более общих рассуждений о жестокости мафии. В Сицилии «ультрасовременная и биополитичная» мафия смешивается с институтами помощи, может подключаться к крестьянской борьбе, быть толерантной к антимафиозной кооперативизации, пребывать в лиминальности между иерархическими практиками и претензиями на равенство. Обращаясь к своим материалам, Ракопулос приводит в пример готовность активистов антимафиозного движения бесконечно обсуждать преступления мафии, чтобы представить её исключительно как форму доминирования и отделить от населения, оборвав все горизонтальные связи местных с мафией (р. 41), однако, как показывает исследователь, этот разрыв возможен только в теории.

По утверждению Ракопулоса, антимафиозное и кооперативное движения в сельской Сицилии прочно переплетены, и, возможно, поэтому идеологи кооперативизма часто совершают здесь ту же ошибку, что и активисты антимафии: они преуменьшают значение горизонтальных связей работников и рассматривают кооперативы исключительно как анклавные хорошие практик ведения хозяйственной деятельности. Учёный считает, что идея неомарксистов и анархастов о том, что в окружении неолиберализма анклавные кооперативы (при условии налаженной коммуникации) способны разрастаться и разъесть неолиберализм изнутри, при всей привлекательности не выдерживает проверки реальностью.

Автор книги уверен, что кооперативизм — это всегда политический проект, а значит, с одной стороны, каждый частный случай необходимо рассматривать в контексте идеологии, на которой он выстраивается. Чтобы показать, что кооператив контекстуален и историчен, Ракопулос подробно описывает региональное разнообразие кооперативизма в послевоенной Италии и то, как по-разному решалось его базовое противоречие, порождаемое одновременностью установок на равенство и прибыльность, протекционизм и рынок. С другой стороны, антрополог настаивает на том, что при анализе дифференциаций, которые возникают в кооперативах, пора перенести фокус с тех, что создаются разделением труда в целом, на более тонкие различия, основанные на труде и обусловленные личным опытом, моральными устоями и позициями отдельных участников.

Автор книги напоминает, что кооперативизм как идеология часто претендует на большее, чем то, что предприятия делают на практике. Однако Ракопулос не ставит перед собой задачу критики кооперативизма: исследователь обещает показать читателю, что реальные кооперативы успешно обходят или переосмысливают идеологию, если она вступает в противоречие с локальными моральными кодами. Обосновывая выбор перспективы, Ракопулос отмечает, что ни локальный контекст, который опреде-

ляет «социальную жизнь» кооперативов, ни трения, которые возникают при столкновении задаваемой идеологией анклавности и фактической укоренённости предприятий, до недавнего времени не становились предметом скрупулёзного анализа.

По мнению исследователя, особенность аграрного кооперативизма в Спикко-Виллате заключается в том, что в условиях неолиберального уменьшения роли государства в хозяйстве и дерегуляции экономики этот кооперативизм фактически создал здесь защищённый и оплачиваемый сельскохозяйственный труд, который до этого никак не регулировался законодательством и находился под патронатом мафии (то есть был неформальным, эксплуатирующим и недооценённым). Государство, собственник и страж (*gatekeeper*) декоммодифицированной земли, передав её через муниципалитеты местным сельхозпредприятиям как неотчуждаемое владение (*inalienable possession* в терминологии Аннет Вейнер), по сути, превратило антимафиозные кооперативы в земле- и трудоохраняющие институты. И, конечно, для социального исследователя было бы упрощением игнорировать как эту связь антимафиозного кооперативизма с государством, так и зависимость кооперативов от рынков, потребность в финансовом капитале и проч.

Как анализировать современное жизнеобеспечение?

В качестве центрального для своей книги Ракопулос выбирает антропологическое понятие «жизнеобеспечение» (*livelihood*) и связывает его с понятием «укоренённость» (*embeddedness*). Главное отличие между ними исследователь видит в том, что укоренённость предполагает вплетённость кооперативов — с их идеологией и материальностью — в локальную социальность, а выбор перспективы жизнеобеспечения означает, что единицами анализа становятся не практики организаций или отдельных домохозяйств, а *обстоятельства*, которые люди привносят в повседневное существование сельхозпредприятий. Сеодорос Ракопулос утверждает, что его работа — это первая этнография антимафиозного движения, сосредоточенная на процессах производства и жизнеобеспечения, а не на мобилизации гражданского общества. Учёный подчёркивает, что жизнеобеспечение неразрывно связано с ценностями, родством, соседством и проч.¹ (забегая вперёд, отмечу, что для лидеров и администраторов антимафиозного кооперативизма, основанного на идее законности, многие из этих связей выглядят подозрительно).

При всех преимуществах широкого понимания жизнеобеспечения, на мой взгляд, оно чрезвычайно осложнило задачу автора, который структурировал этнографическую часть книги в соответствии с основными жизнеобеспечивающими аспектами повседневной деятельности членов кооператива: производство и продовольственная этика, слухи, родство, гендерное разделение сельскохозяйственного труда, соседство, община. Вероятно, каждая из этих тем могла бы реализоваться в самостоятельной книге. Я попытаюсь показать специфику авторского анализа жизнеобеспечения через раскрытие конфликта идеологии с местными моральными кодами на двух примерах — условно говоря, пищи (*food*), которой антропологи единодушно отводят ключевое место в жизнеобеспечении, и более спорного в этом отношении родства (*kinship*).

Сельхозпродукция (в данном случае — выращивание винограда и производство вина) связывала разных участников, среди которых были как полноправные члены кооперативов, так и сезонные работни-

¹ В советской этнологии жизнеобеспечение определялось в марксистском ключе как система, тесно связанная с производством и обеспечивающая материальную основу жизни (со)общества. Главными элементами системы жизнеобеспечения считались поселение, жилище, пища и одежда, а «надстроечные» (нормативные, идеологические, ценностные) аспекты её функционирования рассматривались факультативно. В постсоветский период интерес к теории систем угас; понятие «система жизнеобеспечения» дальнейшего развития не получило. С «западным» пониманием жизнеобеспечения многие отечественные антропологи долгое время были знакомы, пожалуй, в основном благодаря переводу «Нуэров» Э. Э. Эванс-Притчарда, и этнография повседневного неолиберализма, выстроенная вокруг более сложной и современной идеи жизнеобеспечения, могла бы, на мой взгляд, стать чрезвычайно полезным пополнением списка обязательной литературы к учебным курсам экономической антропологии.

ки. Однако, как утверждает исследователь, различия между ними создавались не столько членством в организации, сколько классовой принадлежностью, образом жизни и взглядами на мир.

Постоянные и временные рабочие предприятий были значительно ближе друг к другу, чем к администрациям, состоявшим из приезжих специалистов, которые ежедневно приезжали в Сан-Джованни (в деревню, где работал Ракопулос) из Палермо. По оценкам местных, население деревни насчитывало не более 4,5 тыс. человек (официальная статистика говорила о 8 тыс.). В ближайших окрестностях Сан-Джованни работали два из четырёх предприятий, оказавшихся в фокусе внимания исследователя, но все вместе они обеспечивали средствами существования очень небольшое количество людей (примерно 150 человек), что резко контрастировало и с тем публичным резонансом, который вызывал феномен антимافیозных кооперативов в Италии и за её пределами, и с представлением идеологов и администраторов о масштабе кооперативной деятельности. Эти последние видели и обосновывали свою преемственность с массовыми крестьянскими движениями прошлого. Все они были активными членами «Либерты» и продвигали кооперативную сельхозпродукцию прежде всего как законную, социально честную и экологически чистую.

Напротив, рабочим были чужды дискурсы органического производства и потребления: администраторы часто жаловались, что местным производителям важна только цена. Кооперативная продовольственная этика оказывалась политизированной и классово маркированной. Рядовые рабочие, которые наряду с возделыванием экспроприированной земли выращивали виноград на приусадебных участках, проводили различие между кооперативным и домашним вином по линии «коммерческое, органическое» и «аутентичное, чистое», а единственным преимуществом кооперативного производства считали количество.

Однако куда более сильное напряжение в двойственной структуре кооперативов (рабочие — администрация) создавалось родством. Как было отмечено выше, родство попадало в список идеологически подозрительных связей: по правилам антимافیозных кооперативов, потенциальные члены коллектива не должны были иметь (вплоть до троюродных) родственников среди мафиози, что кажется парадоксальным в деревне типа Сан-Джованни, которую ещё в середине 1990-х гг. пресса называла — по фамилии самого известного мафиозо региона — «деревней восьмиста Барбетто». Более того, идеологи «Либерты» и администраторы кооперативов считали плохим признаком даже просто наличие мафиози в широком социальном кругу соискателя работы. При этом именно семья, а также отношения свойства и крестного родства (компаратико) оказывались конституирующими для практики западносицилийских кооперативов, а опыт участия в кооперативах осмысливался крестьянами в терминах антимافیозных семей.

Рабочие не только примиряли отношения родства и работы в контекстах, наделяемых руководством негативными коннотациями, но и входили в кооперативы через социальные сети родных и друзей по так называемым рекомендациям (*raccomandazioni*), которые в Спикко-Виллате и Италии в целом понимаются как посредничество. Многие авторы связывали рекомендацию с патронатом и коррупцией, хотя остаётся неясным, пересекает ли она классовую иерархию или воспроизводит её. Так, Пол Гинсбург считал этот феномен органической частью кумовского (*crony*) итальянского капитализма [Ginsborg 2003], Джейн и Питер Шнайдеры утверждали, что посредничество воспроизводит атмосферу клиентализма, ассоциирующуюся с мафией [Schneider, Schneider 2003: 105].

Сеодорос Ракопулос относит рекомендации к *гибким семейным практикам* (р. 110) и подробно описывает, как они работали в контексте жизнеобеспечения в двух соседствующих кооперативах — «Фальконе» и «Борзелино», связанных перекрещивающимися отношениями родства и свойства так, что иногда зарплаты из разных кооперативов поступали в одно домохозяйство. Кооператив в таких домо-

хозяйствах ассоциировался с домом и назывался антимафиозной семьей: именно общий родственный пул создавал основу для риторики кооперативной солидарности «Фальконе» и «Борзелино». Родство, свойство и дружба через механизм рекомендации обеспечивали местным рабочим гарантированную занятость. Семейная и кооперативная идентичности соединялись, а связи родства расширялись, чтобы максимизировать возможности получения работы.

Если местные обновляли, оживляли и наполняли новыми смыслами отношения родства как форму кооперативной связанности, то администраторы отдавали предпочтение социальным сетям, в основе которых лежал профессионализм. Занятость в кооперативах была продолжением их более широких идей и представлений, «больше, чем просто работой», «миссией», «политическим проектом» (р. 104).

Ракопулос подчёркивает, что «плохое» родство было для них локально: их собственные родственные и дружеские связи вели в Палермо и определяли классовые позиции; активистская же риторика была направлена против родства людей, которых администраторы не считали себе равными, — рабочих Спикко-Виллаты. В то же время связи «продолжительного партнёрства» и «разделяемых биографий» среди администраторов были чрезвычайно сильны и плотны, а нетворкинг являлся для них идиомой связанности (*relatedness*). Легитимируя свои практики, они говорили об особом праведном круге (*virtuous circle*) стражей законности, ставящих интересы сети выше интересов домохозяйства и поддерживающих политизированную солидарность. Крестьянская же семья, ассоциируемая с мафией и коррупцией, в глазах администраторов становилась началом конца антимафиозного кооператива, порочным кругом (*vicious circle*), противоположностью круга праведного, то есть профессиональной сети, с которой делятся временем, мыслями и идеями.

Ракопулос утверждает, что как в случае администраторов, так и в случае сельхозрабочих кооперативизм — это история про равенство и горизонтальные отношения. Для одних они основаны на модернистских идеях класса, мобильности, раздельности сферы семьи и работы, для других — на ценностях «анклавной взаимности» [Gudeman 2008] и идее непрерывности между семьёй и работой. В обоих случаях горизонтальные связи создавались среди равных себе, но администраторы это делали при помощи нетворкинга и праведного круга, а рабочие — при помощи родственников и дружеских «рекомендаций».

Заключительные замечания

Как я уже отмечала, рецензируемая книга вмещает намного больше идей, теорий, потенциальных направлений анализа, чем можно было надеяться реализовать на двухстах страницах, и в то же время иногда оставляет в стороне то, что могло бы помочь читателю. Так, например, исследователь неоднократно отмечает, что единицами его анализа были не кооперативы, а отдельные участники этих организаций, действующие «в серой зоне, где конфликтуют и сливаются мафия, антимафия и государство» (р. 12), поэтому мне показалось избыточным обсуждение и введение в оборот в рамках этой книги понятий, предназначенных для изучения «вещей» и институтов («социальная жизнь кооператива», «уко-ренённость»). Вместо этого как читатель я была бы признательна автору за более подробный экскурс в существующую в современной западной антропологии дискуссию о ценностях и морали. Кроме того, при всей условности и сложности такого разделения, исследователю, возможно, всё же стоило развести мафию и антимафию как разные объекты изучения и вынести слишком большую тему мафии за рамки своей книги.

То, что исследователь намечает множество тем и предлагает разную оптику, создаёт ощущение неполноты анализа и оборванных линий рассуждения, иллюзию обманутых ожиданий. Так, например, в начале книги Ракопулос цитирует высказывание известного активиста антимафиозного кооперативизма: «Государство даёт нам право на то, что мафия предлагает как дар» (р. 9). Но в дальнейшем автор

книги лишь слегка затрагивает тему дара в главе о том, как администраторы кооперативов используют в управлении локальный механизм сплетен.

Антрополог показывает читателю разнообразие конфликтов и трений, возникающих в его поле в результате столкновения официальной идеологии антимафиозного движения и крестьянской морали; в процессах взаимодействия западносицилийских кооперативов и их партнёров из других регионов Италии и Европы; в отношениях администрации и рабочих, постоянно и временно занятых, мужчин и женщин, членов антимафиозных семей и общины, исторически и в текущем моменте связанной с теми, кого идеологи антимафиозного движения причисляют к мафии, и проч. Пытаясь доказать, что жизнь богаче идеологии, автор в некотором смысле жертвует этнографией: книге, на мой вкус, очень не хватает тех самых голосов участников, рассказывающих о своих «обстоятельствах». Возможно, это связано с трудностями перевода сицилийского диалекта итальянского языка на английский, но всё же иногда возникает впечатление, что автору пришлось отказаться от цитат и пересказать истории своих собеседников, чтобы вместить все сюжеты, выбранные им для иллюстрации сложности местной жизни и социальных связей.

Кроме того, не нуждающаяся — *уже* — в доказательстве идея связанности всего со всем может отвлечь внимание читателя от действительно важной полемики автора с Джеймсом Скоттом, в которой Ракопулос на примере своего поля убедительно демонстрирует отсутствие акторов, способных смотреть на антимафиозные кооперативы «глазами государства»: все они — и представляющие государство приезжие администраторы, и местные сельхозработники — интерпретируют различные ситуации и действуют с учётом своего локального знания и сетевых связей. И именно эта полемика, на мой взгляд, делает книгу Сеодороса Ракопулоса обязательной к прочтению, превращает её в яркое антропологическое событие.

Литература

- Эванс-Причард Э. Э. 1985. *Нуэры. Описание способов жизнеобеспечения и политических институтов одного из нилотских народов*. М.: Наука.
- Ginsborg P. 2003. *Italy and Its Discontents: Family, Civil Society, State, 1980–2001*. London: Penguin.
- Gudeman S. 2008. *Economy's Tension: The Dialectics of Community and Market*. Oxford: Berghahn Books.
- Schneider J., Schneider P. 1976. *Culture and Political Economy in Western Sicily*. New York: Academic Press.
- Schneider J., Schneider P. 2003. *Reversible Destiny: Mafia, Antimafia, and the Struggle for Palermo*. Berkeley: University of California Press.
- Schneider J., Schneider P. 2008. The Anthropology of Crime and Criminalization. *Annual Review of Anthropology*. 37 (1): 351–373.
- Schneider J., Schneider P. 2011. The Mafia and Capitalism: An Emerging Paradigm. *Sociologica. Italian Journal of Sociology on Line*. 2: 1–22. URL: <https://www.rivisteweb.it/doi/10.2383/35873>
- Schneider P. 2002. On Mafiology. *Journal of Modern Italian Studies*. 7 (1): 145–149.
- Weiner A. B. 1992. *Inalienable Possessions: The Paradox of Keeping-While Giving*. Berkeley; Los Angeles; Oxford: University of California Press.

NEW BOOKS

Natalia Conroy

From Ethnography of Organizations to Analysis of the Real Life Circumstances of People?

Book Review: Rakopoulos T. (2017) *From Clans to Co-ops: Confiscated Mafia Land in Sicily*, New York; Oxford: Berghahn Books. 229 p.

CONROY, Natalia — Candidate of Sciences in History, researcher, Laboratory for Studies in Economic sociology (LSES), National Research University Higher School of Economics. Address: 20 Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation.

Email: nconroy@hse.ru

Abstract

In his new book, Theodoros Rakopoulos uses the anthropological concept of “livelihood” as a new way to connect some big topics—the mafia, the anti-mafia movement, and cooperativism. For several decades, the mafia has aroused great interest among the general public, journalists, and various scholars: anthropologists, sociologists, and historians. In the 1980s and 1990s, the emergence of legislative framework governing confiscation by the state and the further use of the property of mafia clans were significantly influenced by the activist movements. That is why the analysis of the experience of creating agrarian cooperatives on expropriated lands through the prism of grass-roots initiatives of civil society has be-

come dominant. However, Rakopoulos, who was observing the work of four anti-mafia cooperatives in Western Sicily in 2007 and 2009, came to the conclusion that, unlike administrators, workers are more interested in issues of wages and prices than ideology and civic participation. How do those who work on the land and are not a part of the grass-roots initiatives in the cooperative structure bypass ideology when it contradicts traditional moral codes? How do they reconcile working in an anti-mafia co-op with family and connections in the local community, where it is impossible to take a neutral or disinterested position towards the mafia? How are urban managers struggling with the “bad kinship” of local workers influenced by their own families and friends? Successively, considering the various circumstances of participants (family, reputation, neighborhood, and so on) that affect their livelihood, the researcher concludes that among both workers and managers, there is nobody who would be free from local moral and ethical norms and could look at the work of anti-mafia cooperatives through the eyes of a distant state. Therefore, the politicized cooperatives themselves, contrary to their own ideology, cannot exist as enclaves of good practice.

Keywords: anti-mafia; cooperativism; legality; enclave; livelihood; embeddedness; ethnography; Sicily.

References

- Evans-Pritchard E. E. (1985) *Nuery. Opisaniye sposobov zhizneobespecheniya i politicheskikh institutov odnogo iz nilotskikh narodov* [The Nuer: A Description of the Modes of Livelihood and Political Institutions of a Nilotic People], Moscow: Nauka (in Russian).
- Ginsborg P. (2003) *Italy and Its Discontents: Family, Civil Society, State, 1980–2001*, London: Penguin.
- Gudeman S. (2008) *Economy's Tension: The Dialectics of Community and Market*, Oxford: Berghahn Books.

Schneider J., Schneider P. (1976) *Culture and Political Economy in Western Sicily*, New York: Academic Press.

Schneider J., Schneider P. (2003) *Reversible Destiny: Mafia, Antimafia, and the Struggle for Palermo*, Berkeley: University of California Press.

Schneider J., Schneider P. (2008) The Anthropology of Crime and Criminalization. *Annual Review of Anthropology*, vol. 37 no 1, pp. 351–373.

Schneider J., Schneider P. (2011) The Mafia and Capitalism: An Emerging Paradigm. *Sociologica. Italian Journal of Sociology on Line*, vol. 2, pp. 1–22. Available at: <https://www.rivisteweb.it/doi/10.2383/35873> (accessed 25 October 2018).

Schneider P. (2002) On Mafiology. *Journal of Modern Italian Studies*, vol. 7, no 1, pp. 145–149.

Weiner A. B. (1992) *Inalienable Possessions: The Paradox of Keeping-While Giving*, Berkeley; Los Angeles; Oxford: University of California Press.

Received: November 18, 2018

Citation: Conroy N. (2018) Ot etnografii organizatsiy k analizu zhiznennykh obstoyatel'stv lyudey? [From Ethnography of Organizations to Analysis of the Real Life Circumstances of People? Book Review: Rakopoulos T. (2017) *From Clans to Co-ops: Confiscated Mafia Land in Sicily*, New York; Oxford: Berghahn Books. 229 p.], *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sostitologiya*, vol. 19, no 5, pp. 130–138. doi 10.17323/1726-3247-2018-5-130-138 (in Russian).